

image not found or type unknown

Реалии российской преступности и борьбы с ней имеют ряд характерных особенностей. Некоторые особенности в той или иной мере свойственны криминогенным реалиям других стран постсоветского пространства и даже мира в целом.

В стране, как и в мире в целом, идет процесс привыкания населения к растущей преступности, в том числе и к ее относительно новым и особо опасным формам – организованной, террористической и коррупционной. Вспышки возмущения в СМИ мимолетны, не влекут за собой никаких серьезных выводов и уж тем более реальных мер-последствий. Преступность приводит в негодование многих только тогда, когда они оказываются потерпевшими. Осознание обыденности криминала порождает безысходность и понимание бесполезности борьбы с ним.

В кино, прессе, на телеэкране, а также в Интернете непрерывно мелькают криминальные картины, различного рода шоу, журналистские "расследования" и ужасы реальной действительности, что у раскрепостившегося народа вызывает массовый интерес. Современная пресса, кино, телевидение, поп-культура и Интернет пытаются вернуть человека к примитивному исходному состоянию. Основным критерием успешности кино и телевидения являются не ближайшие и отдаленные криминальные и аморальные разрушительные последствия, а рейтинг и прибыль.

Доминирующая мотивация различных видов преступного поведения утилитарна: корысть, различные формы личной выгоды, власть, месть, секс и т.д. Суть побуждений не изменилась с библейских времен, только чрезвычайно упростилась и усилилась. Удельный вес корысти в преступном поведении достиг апогея – 80–90% и более. Процесс "окорыствования" общественных (экономических, социальных, политических, правовых) отношений продолжается.

За прошедшее столетие уровень преступности в среднем увеличился на порядок. Ежегодно в мире совершается до 450–500 млн преступлений на 7 млрд населения. Это около 8 тыс. деяний на 100 тыс. населения. Реальная преступность выше по меньшей мере вдвое. В некоторых мегаполисах Европы уже регистрируется до 16 тыс. и более преступлений на 100 тыс. населения. Латентная преступность даже в самых организованных обществах сравнима с регистрируемой или превышает ее. В

нашей стране она оценивается соотношением 1: 5, т.е. на одно учтенное деяние приходится 4–5 латентных преступлений, а следовательно, безнаказанных. Однако то, что преступление было учтено, вовсе не означает, что виновное лицо будет наказано. В этом случае удельный вес безнаказанности в структуре реальной преступности может достигать 90%. *Безнаказанность поощряет преступность.*

Параллельно с ростом преступности идет непрерывный процесс криминализации (возведение в ранг преступления) все новых и новых видов общественно опасного поведения. При этом законодательная деятельность не обеспечена серьезными научными исследованиями, законопроекты не проходят криминологической экспертизы (на их обоснованность и криминогенность), непрерывные и зачастую противоречивые изменения и дополнения законодательства, на основе которого осуществляется борьба с преступностью, не имеют продуманного концептуального подхода.

Процесс адаптации уголовного законодательства к меняющейся криминологической обстановке, если это научно обосновано и юридически проработано, а не ориентировано на интересы криминальных кругов, закономерен. Однако когда криминализация в 3–4 раза превышает декриминализацию, требуется серьезное криминологическое осмысление. Государственным органам не под силу взять под контроль беспредельно расширяющуюся сферу уголовно наказуемого поведения.

В то время как интенсивно криминализируются новые деяния, совершаемые рядовыми гражданами зачастую от безысходности, общественно опасные деяния, совершаемые представителями политической, экономической и правящей элиты, в ранг преступлений не возводятся.

Интенсивное расширение сферы уголовно наказуемого поведения расценивать как укрепление правопорядка ошибочно. Сфера уголовно наказуемого поведения должна быть ограничена наиболее опасными деяниями. *Российская система уголовной юстиции плохо справляется даже с выборочно регистрируемой преступностью, а под грудой реально совершаемых деяний (уголовных дел) она и вовсе рухнет.* Отечественные правоохранительные органы вынужденно, но целенаправленно учитывают не более 1/4–1/5 части реальной преступности, выявляют менее половины виновных по зарегистрированным деяниям и доводят до суда не более одного из 5–10 фактических преступников. Нужны иные подходы, другие стратегии в борьбе с преступностью^[2]. Но их, к сожалению, нет. Стратегия предупреждения преступности фактически перестала существовать в процессе

перестройки и рыночных реформ. Федеральные программы по усилению борьбы с преступностью, которые хотя и носили формальный характер, но принимались в 1990-е гг., также остались в прошлом.

По данным МВД России, в 2019 г. из 1052441 выявленных правонарушителей выявлено 884,7 тыс. лиц, совершивших преступления (-5,0%), удельный вес лиц без постоянного источника дохода сократился с 64,6% до 63,8%, а удельный вес ранее судимых лиц вырос с 29,1% до 29,6%. Каждое второе (58,7%) расследованное преступление совершено лицами, ранее совершавшими преступления, почти каждое третье (30,7%) – в состоянии алкогольного опьянения, каждое двадцать пятое (3,9%) – несовершеннолетними или при их соучастии.. Похожая статистика наблюдается и в последние годы. Таким образом, *система уголовной юстиции нацелена в основном на бедные, слабо адаптированные, маргинальные слои населения, совершающие традиционные уголовные деяния.*

В УПК РФ предусмотрены особенности производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц. Согласно описанной в нем до предела усложненной процедуре от возможной уголовной ответственности фактически освобождены государственные должностные лица. Такого безграничного иммунитета в демократических странах нет. Общее число "неприкасаемых" приближается к 100 тыс. человек. Именно эта привилегия (а также большие возможности в ведении предпринимательской деятельности, поскольку запрет на нее существует лишь на бумаге) влечет предприимчивых преступников в органы представительной власти. Министры и другие должностные лица федерального уровня исполнительной власти в России не имеют законного иммунитета, однако привлечение их к уголовной ответственности сопряжено с большими трудностями.

Такая практика серьезно подрывает конституционный принцип – все равны перед законом и судом – и является особо криминогенным обстоятельством.

Преступления совершают и богатые, и образованные, и высокопоставленные. Коэффициент поражаемости преступностью элитарных групп не ниже (или не намного ниже) коэффициента поражаемое™ самых неблагополучных слоев населения. Другой вопрос, что в каждом слое общества совершаются характерные для него преступления: образованные и высокопоставленные лица совершают интеллектуальные и трудно раскрываемые деяния, а представители низов общества – насильственные, нередко в условиях очевидности. Бедные и слабо адаптированные к жизни люди легко попадают в жернова системы уголовной юстиции, а представители власти и состоятельные граждане редко оказываются в

орбите деятельности правоохранительных органов. Хотя именно в высших слоях общества причиняется колоссальный материальный, физический и моральный вред, рушится вера в демократию, проводимые экономические и политические реформы, подрывается доверие к власти и государству.

Краткий анализ тенденций преступности дает основания судить и о возможных тенденциях борьбы с ней. Общим трендом этой борьбы является заметное снижение социально-правового контроля преступности в силу социально-правовой беспомощности перед криминалом и непродуманной гуманности к опасным преступникам в России. Под знаменем демократии, свободы и прав человека стали решаться главным образом узкопартийные и своекорыстные задачи. Достаточно вспомнить неоднократное вето, налагаемое на законы о борьбе с организованной преступностью, коррупцией и о контроле за доходами должностных лиц под предлогом, что их применение якобы нарушает права на неприкосновенность частной жизни чиновников и их семей. Или исключение из УК РФ конфискации по экономическим преступлениям, которая есть во всех уголовных кодексах европейских стран и в международных конвенциях, подписанных и ратифицированных Россией.

Опыт стран Западной Европы, где установлен строгий государственный контроль за соблюдением законов должностными лицами, был полностью проигнорирован. И эта тенденция (лишь с незначительным улучшением ситуации) прослеживается до сих пор.

Необходимо исходить из того, что контроль над преступностью является целью системы уголовной юстиции, а соблюдение прав личности – одним из самых важных, но средств его достижения. Без контроля над преступностью, которая в нашей криминальной стране является самой грубой и крайней формой нарушения прав человека, успешная реализация защиты прав личности невозможна.

Список литературы:

- Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 декабря 2001 г. №174-ФЗ // Российская газета. - 22 декабря 2001г. - №249.
- Денисов Ю.А. Общая теория правонарушения и ответственности. Л.: Изд-во ЛГУ, 2006. С Парог А.И. Проблемы субъективной стороны преступления. М., С.69. 114-115.
- Малеин Н.С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. М.: Юрид. лит., 2011. С.14..

- .Ведяхин В.М., Галузин А.Ф. К вопросу о понятии правонарушения // Правоведение. 1996. № 4.
- Иванов А.А. Правонарушение и юридическая ответственность. Теория и законодательная практика. М., 2004. С.10.
- Одегнал Е.А. Соотношение понятий «злоупотребление правом» и «правонарушение» Юрист. 2007.№ 1.
- Фрай П. С. Всемирная история. Лондон, Нью-Йорк, Штутгарт, Москва, 1999. С. 5.
- Кудрявцев В. Н. Стратегии борьбы с преступностью. М., 2003.

Электронные ресурсы:

- <https://vk.com/away.php?to=https%3A%2F%2Fmedia.mvd.ru%2Ffiles%2Fapplication%2F1>